СОШЕСТВИЕ МАМУРЕ

25 апреля Елена Николаевна Гоголева в очередной раз выйдет на сцену Малого театра

Независимая газ. – 1993 – 17 апр. – С. 7.

Борис Львов-Анохин

7 апреля 1993 года, в день праздника Благовещенья, старейшая актриса Малого театра Е. Н. Гоголева встретила день своего рождения. Ей исполнилось 93 года. А в августе будет ровно 75 лет с того дня, когда она подписала свой первый контракт с Малым театром, который стал ее домом на много лет.

После того как она сыграла две свои знаменитые роли — Мамуре в комедии Ж. Сармана и княжну в пьесе П. Гнедича «Холопы», ее стали называть великой русской актрисой.

25 апреля Елена Николаевна собирается выступить на сцене Малого театра в «Холопах». Каждого ее появления на сцене зрители ждут с неослабевающим интересом.

Мастер

Летом 1979 года мне позвонила Елена Николаевна Гоголева. Меня не было дома, и когда я пришел, жена передала почти дословно записанный ею по телефону текст: «Звонит Гоголева... Я знаю, Борис Александрович не любит меня как актрису... Я знаю, что обросла ужасными штампами... У меня не было режиссера, которому я могла бы верить... Я прошу Бориса Александровича поставить спектакль к моему восьмидесятилетию... Я знаю, что я плохая актриса, но я хочу работать, я люблю театр, я буду делать все, что режиссер найдет нужным, я понимаю, что со мной трудно, но, право, еще есть порох в пороховницах...»

Все эти речи повторила мне сама Гоголева с абсолютной искренностью и нешуточной страстностью. Это было какое-то почти исступленное творческое покаяние, вдохновенное самобичевание. В необычных монологах актрисы отчаяние, мольба о помощи переплетались с горячей надеждой. И еще: при всем драматизме самообличительных высказываний в них была доля какого-то озорного юмора, довольно язвительной насмешливости по отношению к самой себе. Народная артистка СССР, лауреат Государственных премий, Герой Социалистического Труда предавалась поистине сокрушительной «самокритике». Я всегда терпеть не мог привычные советские проповеди о благодетельной силе «критики и самокритики», но «самокритичные» заявления Елены Николаевны ошеломили и тронули меня. Она гневно, насмешливо и страдальчески уничтожала себя, и в этом самоиспепелении ощущалась молитвенная, страстная преданность сцене, искусству, театру, Малому театру.

Наконец мы договорились о совместной работе. Причем договор был такой: если сработаемся — хорошо, если нет — расстанемся.

Встал вопрос о пьесе. Елена Николаевна, правда без особого энтузиазма, предлагала «Волки и овцы». Меня это не увлекало, пьеса Островского недавно шла в Малом театре, Гоголева уже играла Мурзавецкую.

И вот тут моя знакомая актриса Театра на Таганке Изольда Фролова сказала, что «у Киссы Куприной», дочери знаменитого писателя, есть перевод французской пьесы, которую она в течение десяти лет предлагала во все театры многим известным актрисам, но все отказывались от нее, так как героине сто шесть лет, и это оскорбляло актрис, среди которых, между прочим, были особы весьма преклонного возраста, но все-таки не ста шести...

Сцена из спектакля «Мамуре»

Позвонили Ксении Александровне Куприной, она с трудом нашла затрепанный экземпляр пьесы без титульного листа, который был «осквернен» ее кошками. Надо сказать, что у Куприной было великое множество кошек, которых она подбирала на улице, кормила, лечила, опекала, была их рабыней, служанкой, ради них унижалась перед всеми мясниками в округе, тратя на них деньги, которых у нее было совсем немного.

Так мы познакомились с Ксенией Александровной — очаровательной, смешной, умной и легкомысленной женщиной, полурусской, полупарижанкой, нескладной, беспомощной, совсем неприспособленной к реалиям советской жизни.

Мы с женой долгие годы дружили с Ксенией Александровной, очень любили ее забавные, остроумные рассказы, ее добрый юмор, отчеты о всяких казусах, которые с ней то и дело случались. Помните, как в «Вишневом саде» Раневская роняет золотые и растерянно говорит: «Покатились...» Я всегда считал, что этот эпизод самым органичным образом может воплотить актриса Ксения Куприна, которая, к сожалению, не сыграла не только Раневскую, но вообще никакой достойной роли в Театре имени Пушкина, где получала весьма скромную зарплату за участие в эпизодах и массовых сценах.

Поздно вечером Изольда Фролова помчалась за пьесой, привезла ее, и ночью я прочел в присутствии режиссера Александра Бурдонского комедию Жана Сармана «Мамуре».

Пьеса показалась мне замечательным соединением комизма и поэзии, лирики и фарса, сарказма и грусти. Она понравилась Е. Н. Гоголевой, понравилась актерам на читке. По-моему, Елена Николаевна была несколько смущена тем, что берется за такую ярко комедийную роль, во время читки она тихонько смеялась, закрывая лицо рукой, словно с трудом представляя себе, как она будет произносить эти смешные реплики, жить в этих эксцентрических ситуациях...

Составилась прекрасная постановочная группа: режиссер В. Седов, художники О. Твардовская и В. Макушенко, композитор Г. Фрид. Елена Николаевна работала удивительно, с трепетом, волнением и смирением молодой дебютантки, выпускницы театральной школы. Она ценила и любила своих партнеров: Е. Весника, В. Обухову, К. Мякишева, молодую Е. Глушенко, В. Соломина... Премьера имела триумфальный успех. Гоголева была признана всеми, даже теми, кто раньше не любил ее как актрису. Многие говорили, что эта роль стала ее вторым и замечательным артистическим рождением. «Мамуре» любили все — актеры, билетеры, рабочие сцены, гримеры, вахтеры, сидевшие у служебного входа и всегда слушавшие спектакль по радио.

Елена Николаевна перестала играть Мамуре после того, как упала, сломала ногу и стала ходить только с палкой. В спектакле был эффектный эпизод, когда Селина Муре (Мамуре) порывисто вставала с инвалидного кресла и под овации зрительного зала торжественно шествовала вдоль рампы, приветствуя публику поднятой рукой, словно победительница международного чемпионата. Теперь Гоголева уже не могла сыграть этот и некоторые другие эпизоды. Все жаждали возобновления «Мамуре», я говорил Елене Николаевне, что изменю мизансцены, что она сможет играть в новом рисунке, но слышал неизменный ответ: «Я не хочу играть хуже, чем играла раньше...»

Так снова я встретился с той взыскательностью, которая поразила меня в самом начале нашего знакомства.

Я обязан стошестилетней Мамуре встречей с прелестной К. А. Куприной и с Е. Н. Гоголевой, которая, сыграв эту пьесу, ввела меня в Малый театр, где я проработал более десяти лет и, кроме многих других спектаклей, поставил специально для Гоголевой «Холопов» Гнедича, которые с успехом идут и по сей день.